

Вероника Журавлева

МИР ЛОВИЛ МЕНЯ НО НЕ ПОЙМАЛ

Июль 2024

Пьеса написана в лаборатории документальной драматургии Un/Told, под руководством Анастасии Патлай и Екатерины Бондаренко

А.А.: Если ты сделаешь пьесу только по тюремным ситуациям, возникнет впечатление, что он только в тюрьме сидел. А за что? Почему автор берёт именно эту часть его жизни? Ты говоришь о человеке в трагических обстоятельствах. Он нам интересен, если это обычный человек – это главное правило драматургии: обычный человек в необычных обстоятельствах, но он-то **необычный человек**. Он этим необычным человеком стал, пройдя через такие провалы своего творчества! Сережа мог вообще остаться неизвестным, когда ему дали фильм, он снимать не хотел. Ему сказали:
– Это Ваш последний шанс. Юбилей Коцюбинского. И если Вы снимите говно, больше вы снимать на студии Довженко не будете **никогда**.

Ищи варианты, которые бы соответствовали Сергею с точки зрения класса. Спектакль – вещь сложная. Я не уверен, что это будет для зрителей интересно.

Ты должна открыть им нового Параджанова, которого они не знают – мальчика, которого сажают на горшок, а потом ищут там бриллианты. Надо открыть параджановскую маму, которая ходит по крыше, выгуливает шубу, а ребёнок смотрит и не понимает или рассказать историю про устрицы. Я условные примеры привожу, но примеры настолько яркие – это съедобно сто процентов. Вопрос – как ты это блюдо приготовишь? Но как бы ты его не приготовила, это съедобно. Как жареная картошка.

Я тебе помогу, но для начала надо придумать **событие**.

СТЕНОГРАММА

РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА

Обсуждение
поэтического представления
«Сергей Параджанов»
Здесь и сейчас

СТЕНОГРАММА
 РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА
 Обсуждение поэтического
 представления «Сергей Параджанов»

Здесь и сейчас

На обсуждении выступили:

- А.Е. Зельдович советский и российский
кинорежиссер и сценарист..... стр.
- Е. Голубенко український художник-постановник
сценарист, актор.
Заслужений діяч
мистецтв України..... стр.
- Б. Мессерер художник, Академик РАХ,
народный художник РФ
Лауреат двух Государственных
премий РФ. Член Союза художников
СССР, Союза театральных деятелей.
РФ и Союза
кинематографистов РФ.....стр.
- А. Мартиросов художник, Тбилиси..... стр.
- С. Мартиросова мать художника
Александра Мартиросова,
одноклассница Параджанова,
Тбилиси..... стр.
- М.В. Влади est une actrice,
chanteuse et écrivaine
franco-russe..... стр.
- А. Литинская музыкант, поэт,
киевская подруга
Параджанова стр..... стр.
- С.И. Щербатюк филолог, бывшая жена Сергея
Параджанова..... стр.
- Б. Ахмадулина поэт.....стр.
- А. Муратов режиссер.....стр
- Г. Параджанов режиссер, племянник
Параджанова.....стр
- Ю. Мечитов фотограф Параджанова.....стр
- Н. Степанян искусствовед.....стр
- Г. Габай режиссер,

однокурсник Параджанова.....стр

Г. Чухрай

режиссер

однокурсник Параджанова.....стр

Сергей Параджанов (1)

кинорежиссёр, сценарист и
художник. Лауреат множества
кинопремий, народный артист.
Армянской ССР (1990
и Украинской ССР
(1990, посмертно)

Человек (Параджанов 2,
идеальный образ)

Человек, ищущий правду

Режиссер

Голос из телефонной трубки

А.А.

ассистент Параджанова

СТЕНОГРАММА
РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА
Обсуждение поэтического представления
«Сергей Параджанов»

Здесь и сейчас

Режиссер (в реальности это был Ю. Любимов, – прим. автора):

Прошу начать обсуждение. Ситуация у нас вокруг спектакля сложная, а времени сегодня немного, поэтому прежде всего предоставлю слово тем, кто торопится.

Б. Мессерер:

Сергей Параджанов был чистый человек, целиком посвятивший свою жизнь искусству, жил очень трудно, потому что создавать то искусство, которое он хотел, ему не давали. Никакого интереса к деньгам как к богатству он не испытывал. Все, что он каким-то чудом доставал, выменивал и получал, он в тот же миг раздавал другим людям, оставляя себе лишь наслаждение от широты жеста.

Голубенко Е.:

У него не было никакого тормоза, в смысле, что что-то нельзя. То есть, он сочетал все со всем, он не был сноб. Параджанов существовал во всем мировом искусстве. Оно все было для него, его миром. Его мир – и Леонардо Да Винчи, Пьера Дель Франческо. Он очень легко обращался с ними.

Нона Степанян:

При просмотре его домашней экспозиции все неизбежно наткнулись на большой фотопортрет Николая II. Вокруг головы последнего русского царя, создавая нимб, были приклеены фосфорными головками вверх спички. А надпись, сделанная от руки по белому полю отпечатка, гласила: «Он будет святым!» Спички поджигались, нимб вспыхивал пламенем, и фотография сторала. У Сергея было много таких фотографий, и на другой день коллаж возникал снова. Параджанов относился к своей жизни с пристальным вниманием, особым интересом, как к разворачивающемуся перед его глазами и перед публикой сюжету. Каждый, кто вовлекался в его особую, тревожную и скандальную орбиту, приобретал рядом с ним право на делящиеся время, переходил через грань отпущенных дней своей жизни. Быть рядом с Параджановым значило **постоянно обжигаться**.

Александр Мартиросов:

Параджанов – великий тифлисский вун. Когда к нему приходили успех и слава, он терял голову и чувство меры. Резко высказывался по любому поводу – за что его и засадили в Киеве. В Тбилиси к нему началось паломничество. Приезжали иностранцы. Он стал раздражать руководство. Его спровоцировали на взятку и посадили. Сережа происходил из довольно простой семьи, временами богатой, временами нищей, и был совершенно не подготовлен к тому таланту и той славе, которые на него свалились. Вся жизнь его была театр. Если бы его послали в Африку, он бы создал национальный театр этого племени.

Александр Муратов:

Мы гостили у него в Тбилиси, его мама, угощая нас чаем, долго рассказывала о своем покойном муже и закончила рассказ пассажем, дескать, отец Параджанова был очень крепким мужчиной, до конца жизни поднимал тяжелые вещи, а умер во время массажа, на что Сергей философски заметил, что никак не может понять, почему массажистка в этот момент была не над папой, а под папой..

Георгий Параджанов:

Таких историй можно рассказать миллион! У нас был великий дом! Именно этот дом сделал Параджанова! Отец Параджанова, мой дед Иосиф Параджанов, рассорившись с бабушкой сделал своей любовницей массажистку. Дедушка перешел жить во флигель, в котором собирался делать «третьяковскую галерею». Он пригласил художника, который брал библейские сюжеты, и просил его нарисовать их так, чтобы один из старцев был обязательно похож на деда. Эти огромные картины в золоченых рамах дедушка расставлял вдоль стен, приглашал хористку из оперного театра, заставлял ее петь, а массажистка в это время делала ему массаж. Представляете? Ну, скажите, как находясь в такой семье, Параджанов мог не стать режиссером?

Б. Ахмадулина:

Я никогда не встречала столь свободного человека, как Параджанов. Он не умещался в предложенные обстоятельства, он вольный художник, этой волей он заполнял пространства и тем теснил притеснителей, не знающих, что это они – обитатели той темницы, где нет света, добра, красоты. Параджанов – это театр в высочайшей степени благородства, влияющей даже на непонятливых зрителей. Нечто в этом роде я тогда написала в единственном экземпляре, в его защиту, просьба, мольба, заклинание, может быть оно сохранено..

Зельдович А.Е.:

Для меня спектакль «Сергей Параджанов» состоялся, когда я снял свой дипломный фильм. Мы с приятелем, тбилисским инженером, долго искали улицу и дом, звонили в какую-то заколоченную дверь. Наконец, дверь открылась и вышел босой, бородатый и очень подозрительный молодой человек. Это был ассистент Параджанова. На столе лежала полусъеденная дыня. Тут же рядом – какие-то куски ткани. Сидела незнакомая девушка, художница, почему-то из Томска, которой он показал, как совмещать лоскутки, чтобы получился костюм.

Человек:

Креп-de-sin – 5 м
Белые перламутровые
пуговицы или черные – 12 шт.
Рукав реглан с БУФОМ (плечо)
Манжета – с пуговицей
Грудь складки с подставными
белыми кружевами или

чёрными.

Юбка – крупные складки
по всей талии.

Покрой свободный не
облегающий тело.

Легче и свободнее.

Внутри оторочить лентой.

Туфель – белый

и чёрный – замша

Чулок – серый пепел

ЭСКИЗ КОСТЮМА.

Зельдович А.Е.:

Наши встречи сопровождались демонстрациями, подарками... Помню, как я нашел его в какой-то убогой гостинице на Дмитровском шоссе, в номере с облезлыми обоями. Он лежал на диване, а кругом были мешки с какой-то мурой, каковую он привез из Штатов. Он вытряхнул гигантскую целлофановую сумку, полную старых, грязных галстуков, и велел из этих «потрясающих» вещей выбрать себе подарок. Этот галстук до сих пор у меня. С ним была какая-то итальянка, которой он тут же подобрал туфли по размеру из другого пакета.

А.А.:

Приехал человек из Парижа, звали его звали его Хьюк-Александр Тарту, изысканный красавец, одет фантастически, он был одним из продюсеров выставки Ив Сен Лоран в России. Хьюк привез Параджанову большой чемодан одежды, но не успел он выйти из комнаты Сергея, как тот начал потрошить этот чемодан и говорил: «Это Юрику, это Ило, это... это», – а присутствующим мне и Гарику он просто кинул по рубашке и еще что-то. Себе Сергей не оставил ничего, даже не примерил. Там все были вещи от Ив Сен Лорана, и была линия у Пьера Кардена очень дорогая линия, она называлась «Maxim». Сережа так все это расшвырял, в глазах у него была какая-то злость и какая-то страшная обида. Потом все разошлись, мы остались вдвоем, я говорю: «Сереж, а почему ты ничего себе не оставил?»

Сергей Параджанов:

Я – гений, я должен быть настолько богат, чтобы я это мог купить сам и раздарить своим друзьям, а я пользуюсь подачками.

А.А.:

Это болезненное очень ощущение – с одной стороны, он ценил эту заботу, кричал, что ему шлют подарки Ив Сен Лоран, королевы Англии, и еще что-то выдумывал, но с другой стороны было обидно, потому что находясь в этой одной крошечной комнатухе, правда, безумно красивой, но он ничего не мог себе позволить из того, что он хотел по-настоящему...

Вдруг его сажают. В третий раз. Сейчас понятно, что поводом послужило его выступление по поводу спектакля «Владимира Высоцкий» на Таганке. Он поехал в Москву, он хотел в Москву, он хотел

вырваться. Он хотел повидать друзей, знакомых, Катаняна, Любимова. И как раз это совпало.

Сергей Параджанов:

Стенограмма заседания Художественного совета (расширенное заседание от 31 октября 1981 года, посвященное обсуждению репетиции поэтического представления «Владимир Высоцкий»). С. Параджанов – кинорежиссер, в настоящее время – сотрудник театра им. Руставели в Тбилиси.

Очень понравилось выступление Щедрина. Да, действительно, происходит чудо, еще одно чудо, которое рождает коллектив Таганки. Театр на Таганке – сейчас – электрокардиограмма Москвы. Я горжусь этим. Я не могу говорить без волнения, – смотрите, как Высоцкий нас поднял, сблизил. Современниками каких удивительных пластов мы являемся! Еще одно гениальное рождение. Потрясающее зрелище, потрясающая пластика. Реквием. Приравниваю вас просто к моцартовскому реквиему. Все, что сделано вами, встреча с Губенко на подмостках вашего театра – потрясает. Спасибо Вам, Окуджава, за Вашу нежность. Все удивительно.

Должна быть создана книга, посвященная вашему спектаклю. Я захлебываюсь от восторга перед вами и перед вашей честностью. Я поклоняюсь вам.

Режиссер (в реальности это был Ю.Любимов, – прим.автора):

<СОКРАЩЕНО В ПРОТОКОЛЕ> – Среди присутствующих наверняка есть «осведомители», которые все подробно представят компетентным лицам и организациям, и их задача в том, чтобы все довести до их сведения без прикрас, все, как говорилось.

Сергей Параджанов:

<СОКРАЩЕНО В ПРОТОКОЛЕ> – Юрий Петрович, я вижу вы глотаете таблетки, не надо расстраиваться. Если вам придется покинуть театр, то вы проживёте и так. Вот я столько лет не работаю, и ничего – не помираю. Папа римский мне посылает алмазы, я их продаю и на эти деньги живу! Я не знаю, что значит «закрыть спектакль», и кто конкретно мог это сделать. Например, я не понимаю, кто в свое время «закрыл» меня!

Борис Мессерер:

Сереза пригласил друзей в ресторан «Баку» – Ахмадулину, Тарковского, Любимова, меня – много народу. Помню, что Тарковский сидел с краю, весело улыбался и буквально не сводил глаз с Серези. Он смотрел на него с восхищением. Сереза даже тогда легенду устроил. Он поставил человека в черной ливрее и с черной хризантемой, который всех, кто проходил, спрашивал: «Вы на поминки Параджанова?» Мы собрались на втором этаже ресторана. В тот вечер был замечательный сбор людей, редкий, и Серезе пришла мысль сделать памятный снимок. Позвонили Валерию Плотникову, тот приехал, в этот момент подошел метрдотель и сказал, что в ресторане снимать запрещено, так как есть посетители, которые не хотели бы попасть в кадр. Все были расстроены, но тут же нашли выход из положения: спустились по полукруглой лестнице на первый

этаж и расположились живописной группой вокруг бассейна. Сережа как истинная душа компании шагнул прямо в воду и оказался в центре всей композиции и всеобщего внимания. Плотников сделал снимок.

А.А.:

Сережа стоя в воде произнёс речь

Сергей Параджанов:

Вас не случайно встречал швейцар с чёрной хризантемой и задавал вопрос про поминки, потому что Высоцкого убили также, как убили меня. Вам кажется, что я живой, нет, художник, который не работает – это мёртвый художник.

А.А.:

Все это в совокупности стало причиной. *(выступление на обсуждении спектакля и в ресторане, перформанс в целом, – прим. автора)*. Быстренько нашли сочинение его племянника Гарика, в котором было 100 ошибок, быстренько сфабриковали дело, вызвали Гарика в МВД, следователь по особо важным делам.

Георгий Параджанова:

Ему инкриминировалась «дача взятки» за моё поступление в театральный институт, где я в то время учился уже на четвёртом курсе. Меня вызвали в МВД. Объяснили, что в сочинении, тщательно проверенном экспертами МВД через три года после вступительных экзаменов (!), насчитали 62 (!) ошибки. Я совершенно растерялся, впервые оказавшись в таком учреждении. К тому же только что умер мой отец. Они уговаривали, убеждали, требовали признать «факт взятки». И вдруг прямо дали понять, что за определённую мзду дело можно закрыть. Дядя Серёжа тут же повёз пятьсот рублей. Это была ловушка, провокация, его взяли на «месте преступления», и я невольно оказался виновником ареста.

Сергей Параджанов:

ГАРИК!

Читай! Вслух!

Работай над речью. Пластикой. Все страшно. Твой институт – это магазин Лагидзе.

Гарик! Ты находишься «дабали донэ» (на низком уровне). Ты не владеешь языком, гримом, позой, костюмом, голосом, артикуляцией, дыханием. Как жить дальше! Смешным надо быть до поры до времени. А что, если ты лысый и потный и нет ролей, а есть бедность, и жалкость, и армянство! Женись, соберись, думай, читай, пиши, смотри выставки, рисуй. Может быть, в сумме потом, после усердия, возникнешь ты.

В Киеве пойти на Комбинат похоронных памятников. Пойди на Украинское кладбище, купи и пошли в Гр.ССР надгробие для отца. Сделай это для матери и отца. Ты ничего не делал для них. Ты только жрал, срал и вонял, грубил и был чужим. Посмотри на цвет лица матери. Еще немножко – ее толкнут, и ее не станет. Но делай ты САМ!

Светлану, Гарик, НЕ БЕСПОКОИТЬ! С Украины привести надо мой бюст, сделанный Фуженко. Толе расскажи, что произошло и скажи, что нет сил писать письмо. Я люблю его и его творчество, т.к. оно едино со мной и неразлучно... Потому он не откажет тебе в этом. Если откажет, пусть будет, как он скажет...

Действуй, живи, женись, познавай! Ты имеешь все и ничего! Почему ты не получил диплом?

Весна 1982 г., Тбилиси

Орточальская тюрьма.

Юрий Мечитов:

11 февраля 1982 года. В этот день Параджанов пришел ко мне в студию. Конечно, студия – это громко сказано. Небольшая комнатка на первом этаже двухэтажного кирпичного здания служила мне фотолабораторией и студией с очень скромными возможностями для портретной фотосъемки. На беду, когда он пришел, (а это могло произойти от 4 часов до 6) меня не было, я оставил на своём блокноте надпись – буду в 8 вечера. На негативах того дня видно, что в Тбилиси наконец выпал снег, и я, наверное, хотел запечатлеть эту красоту...

Человек:

...Крашенный французский выхухоль называется котиком. Мой папа купил в 1926 году для мамы шубу клеш, купив шубу, папа упрекал ее всю жизнь со словами «Охрат дагирчес» (На горе тебе). Мама действительно надела шубу два раза в жизни... один раз, когда пошел снег в Тбилиси, и другой раз на похоронах отца... Однажды ночью отец вышел на двор и быстро вернулся в спальню... Он будил маму, «товли модис» /идет снег/, и мама, в длинной батистовой ночной сорочке, полусонная, встала из кровати, механически вынула шубу, надела на сорочку, и как сомнамбула вышла на кухню, открыла чердак и, медленно зевая и подымаясь по стремянке, ушла на чердак... Отец вернулся в постель и вскоре захрапел... Я от испуга съезился в подушку и не мог понять, что произошло... Мама ночью вышла на крышу и стояла под мокрым снегом, чтобы намочить мех... Утром я увидел мокрую шубу на кухне... мне показалось, что ее всю ночь жевали буйволы...

Юрий Мечитов: ...Ужасно рассердившись, что не застал меня, Сергей исписал мой блокнот на дверном косяке, заменявший мне секретаршу, до последнего листа живописной похабщиной... В 6 часов вечера, около Александровского сада (тогда Сад Коммунаров) Параджанов садится в «Жигули» милиционера и передает ему обещанные деньги. Тут же подъезжает стоявшая неподалеку вторая машина с оперативными работниками, составляется акт о «даче взятки». Так Сергей в возрасте 58 лет попадает в знаменитую тбилисскую Орточальскую тюрьму.

А.А.:

Это был удар. Объяснить я вам не могу. Через 2 дня уже после того, как его посадили, я пришёл в Театр Дружбы и написал заявление об уходе. Почему я это сделал? Мне было так душно, так отвратительно.

Я позвонил своему двоюродному дяде в Армению, и сказал, что найди мне работу в школе, в деревне. Я уехал в Армению, в маленькую деревню, получил комнатку прямо при школе и стал учить армянских детей русскому языку и литературе. Я не хотел больше возвращаться к Тбилиси, оставил семью, жену, ребёнка. Я не мог больше находиться в городе, потому что с его тюрьмой разрушился мир, который ненадолго мне открылся на эти два месяца – мир Великого искусства, мир художника, который стремится к божественному. И для меня это было невыносимо. Мы собрались с ребятами, его ближний круг, мало, кто к нему ходил, боялись приходить к нему в дом, боялись, что там чекисты. Мы не боялись, потому что у нас нечего было просто отнять. Мы поговорили, и Саша Мартиросов сказал, что старик не выйдет из тюрьмы, он там умрёт...

Александр Мартиросов:

А что он вытворял в суде! Как только его привезли и открыли двери, пошла целая процессия: молодежь, художники, артисты... Все они сперва подходили к подсудимому, целовали его и потом садились на место. В перерыве та же процессия тянулась к нему в комнату, и карман у миллионера-охранника раздувался. Вел себя так, как будто он у себя дома, устраивал абсолютный цирк: заставил охранников стоять одного так, второго вот так. А когда прокурор их спросил: «Вы почему так стоите?» – один ответил: «Батоно Серго сказал, что я похож на Наполеона», – А ты кого похож?», – «Я похож на Римского легионера». Тут прокурор молодой, но лысый человек обратился к нему: «Батоно Серго, может быть, и мне дадите роль?» Параджанов отвечает.

Сергей Параджанов:

Конечно, завтра принесете две простыни и килограмм лаврового листа

Александр Мартиросов:

И кто я буду?

Сергей Параджанов:

Вы будете Нероном!

Светлана Мартиросова:

Я сижу в зале суда, а Параджанов мне оттуда, со скамьи кричит:

Сергей Параджанов:

Светлана! Почему ты не надела ту брошку, что я тебе подарил? Она так подойдет к твоему платью!

Светлана Мартиросова:

Я ведь его с детства знала... Он меня спрашивает:

Сергей Параджанов:

Ты помнишь мои глаза цвета меда?

Светлана Мартиросова:

Я-то помню... Он был удивительно красивый мальчик. Куда делись эти глаза?

Сергей Параджанов:

В школе я плохо учился, так как часто пропускал занятия. По ночам у нас всё время были обыски, и родители заставляли меня глотать бриллианты, сапфиры, изумруды и кораллы, глотать, глотать... (показывает)... пока милиция поднималась по лестнице. А утром не отпускали в школу, пока из меня не выйдут драгоценности, сажали на горшок сквозь дуршлаг. И мне приходилось пропускать уроки.

Человек:

Обычно только в опере маме жали туфли...

Дома мама снимала искусственные крупные жемчужные серьги и переодевалась в новое платье-джерси, надевала настоящие бриллиантовые серьги, кольца... Папа закрывал плотнее ставни... Зажигал всю люстру и смотрел на маму... Блестели камни, отражались в зеркалах... Мама в котиковой шубе-клевш с голубым песком на коленях хохотала, смотрела в перламутровый бинокль, обнажала плечи, хохотала, но прислушивалась ко всем звукам на улице... В городе были аресты и обыски...

Мама, кстати говоря, меньше всего боялась обысков... Больше всего она боялась сального пятна на стене, где облакачивался папа...

Обычно она спешила подложить под голову «курд балиши» /думку/. Эта подушка ушла с папой на тот свет... Маме кажется, что деньги, которые он прятал ото всех, были именно в этой подушке, так как их нигде не нашли...

После ремонта в квартире, который мы сделали после смерти отца, неожиданно после того как затопили дровами стенную печку, на глазах у мамы выступило сальное пятно... где когда-то головой облакачивался папа.

А.А.: Удивительно, но я знал его отца, хотя когда я с Параджановым познакомился, отец уже умер. В Летнем парке в Тбилиси был ларек, там работал противный дядька, а мы мальчишками в этом парке играли в футбол и собирая медяки, приходили купить воду или лимонад, что мы могли себе позволить. Это 1966-67 годы, мне было тринадцать лет, у нас не было денег, все жили достаточно бедно, по две-пять копеек скидывались, чтобы купить бутылку лимонада на троих. Однажды мы пришли в этот ларек, высыпали мелочь на буфетную стойку, попросили продать нам лимонад. В ответ эта мелочь полетела в нас, ларечник выскочил с криками: пошли вон, голодранцы. Вот это был отец Параджанова, Иосиф. Он был ларечник, все это вранье про комиссионные магазины, про бордели, про антиквариат, он был ларечник-буфетчик, у него был цех по никелированию кроватей, пока его не арестовали за это, так как это было незаконно. В последние свои годы, он работал в этом ларьке, торговал водкой из-под полы, и был отвратительный тип. Мать Параджанова я не видел, ничего сказать не могу, знаю о ней по рассказам, и реальная мама Параджанова и его рассказы о ней очень сильно друг от друга отличаются.

Белла Ахмадулина:

Глубокоуважаемый Эдуард Амвросиевич!

Прошу Вас: не рассердитесь на меня. Моя нижайшая просьба сводится лишь к этому: прочтите мое письмо и не осерчайте.

Я пишу Вам в нарушение общих и моих собственных правил. Но это моя человеческая правильность и моя безвыходность: я не могу не написать Вам.

Не гневайтесь: я о Параджанове. Я очень знаю этого несчастного человека.

Тюрьма его не хочет, но он хочет в тюрьму. Нет, наверно, ни одной статьи Уголовного кодекса, по которой бы он сам себя не оговорил в моем присутствии. Но если бы лишь в моем! В Москве я боялась за него больше, чем в Тбилиси, и была права хоть в этом. Он не имеет себе художественного воплощения и надрывно ставит свой бесконечный спектакль на всех улицах среди людей, некоторые из которых плохие. Я знаю, что он всех раздражил и всем наскучил. Но не меня и не мне. Меня ему не удалось обвести вокруг пальца: ни болтовней о бриллиантах, которые интересуют меня так же мало, как его, ни прочим вздором.

Я не замарала себя никаким имуществом, никаким владением – мне можно верить: я презираю корыстолюбцев. Параджанов не только не из них – он им обратен. Я понимаю, что сейчас речь не об этом, но все его преступления – условны, и срок наказания может быть условным. Это единственный юридический способ обойтись с ним без лишних сложностей, одна из которых – его неминуемая гибель. Конечно, уж если сидеть в тюрьме, то лучше в Грузии. Но мне больно соотносить одно и другое. Грузины всегда были милосердны к чужакам, безумцам и несчастливцам. Параджанов – самый несчастливый из них.

Мое письмо совершенно личного свойства – о нем никто не знает и не узнает. Я написала его для собственного утешения и спасения. Засим еще раз прошу простить меня. Позвольте пожелать Вам радостной и счастливой весны и всего, что потом. Что касается меня, мои радости и счастье совершенны. Во всяком случае, когда я здесь, в Тбилиси.

Искренне Ваша

Белла Ахмадулина

12 апреля 1982 год.

Алина Литинская:

Ходынка... Сумасшедший дом. Все время кто-то входит, кто-то выходит. Дверь не закрывается.

Сергей Параджанов:

Как по-вашему, что я делал эти два месяца в Тбилиси? Вокруг меня все пили, пили и плакали. А я отращивал «ежик» и торговал люстрами.

Алина Литинская:

Не слушайте, что он говорит. Не слушайте. Он никогда не врет, но все равно не слушайте.

Сергей Параджанов:

Киев – это могила. Украина мертва.

Алина Литинская:

Не слушайте его. Потом он скажет совсем другое, а потом опять другое и тоже правду. Когда он был в зоне, в студии состоялось собрание, на котором специальным протоколом было закреплено решение больше никогда не принимать Параджанова в ряды коллектива. Это бы юридический нонсенс, но не это печалило: среди подписавшихся были и те, кем он дорожил. Он молчал. Делал вид, что не знает, и молчал. На студию никогда не вернулся, хотя было много заманчивого: кому, как не ему, снимать кино о Врубеле?

Выписка из протокола №3

заседания Президиума правления союза

Кинематографистов Украины

17 мая 1974 год, Киев

Слушали:

1. Персональное дело члена Союза, кинорежиссера киностудии им. Довженко С.И. Параджанова

С. Параджанов с самого начала не проявлял интереса к Союзу, очень долго не получал членский билет, а что касается членских взносов, то платил их после многократного упоминания. В работе Союза не принимал никакого участия.

С. Параджанов вел аморальный образ жизни. Суд, который недавно состоялся, осудил С. Параджанова к 5 годам тюремного заключения. Комиссия по приему в члены Союза считает, что есть достаточно серьезных причин для исключения С. Параджанова из членов Союза. Постановили: исключить из членов Союза кинематографистов СССР Параджанова Сергея Иосифовича согласно Уставу Союза кинематографистов СССР, 2 раздел, пункт 8.

... совершение поступков аморального и антиобщественного характера;
... неуплата в установленные сроки членских взносов, отрыв от участия работы Союза.

Первый секретарь правления

Союза кинематографистов Украины

Т. Левчук

Ответственный секретарь правления

Союза кинематографистов Украины

А. Барахаев

Светлана Щербатюк:

Во второй раз Сергея арестовали 17 декабря 1973 года. Он уехал в Москву на похороны художника Ривоша. На панихиде он выступил с речью – те, кто слышали, были в шоке. О его «выступлениях» уже знали в КГБ Украины. Ходили разговоры об угрозе ареста.

Когда Сергей вернулся с похорон в Киев, он позвонил моим родителям, спросил о здоровье Сурена – наш сын тогда был серьезно болен. Я тут же перезвонила Сергею, но уже никто не брал трубку. В первом часу ночи появился Сурен Шахбазян и сказал: «Светлана, не волнуйтесь, случилась большая неприятность – Сергей арестован». В полдень этого дня к Сергею пришла наша приятельница Оксана и сообщила о самоубийстве Михаила Сенина. Был у Сергея такой друг... Сергей был потрясён услышанным. В этот момент раздался звонок в дверь, вошли милиционеры и предъявили ему ордер на арест, у Оксаны потребовали подписку о неразглашении и выставили её. Сергея увезли. Она, петляя по городу, замечая следы в страхе, что за нею следят, пришла к Сурену. А тот, дождавшись темноты, пришёл ко мне. Это тёмная история... Когда Сергея не было в Киеве, Сенина вызывали в КГБ, видимо, разговор был очень серьёзный, и Миша, предчувствуя, что его будут заставлять говорить то, чего он не мог себе позволить, перерезал вены.

Фондовый номер 522. Фотоальбом 30 листов, обложка красного цвета со следами потертостей. Конец 1980-х. Поступило на хранение: август 1990 г.

На странице 12 расположены две черно-белые фотографии.

<...> Нижняя фотография размером 5 на 15 см. На ней предположительно в обстановке квартиры Сергея Параджанова в Киеве в профиль изображен мужчина средних лет, сидящий на стуле, повернутый корпусом вправо. Мужчина с крупными чертами лица, одет в светлый джемпер и темные брюки. Напротив мужчины пустой стул, над головой люстра с большим абажуром. Края фотографии затемнены, центр подсвечен дополнительным источником освещения, отражающимся в зеркале. В правом нижнем углу имеется подпись, выполненная Сергеем Параджановым:

Сергей Параджанов:
Самоубийца!

Светлана Щербатюк:
...наконец мне позвонили из КГБ:

Голос из телефонной трубки:
Мы хотим поставить вас в известность...

Светлана Щербатюк:
То, о чём вы хотите поставить меня в известность, известно всему Киеву, в том числе и мне.

Голос из телефонной трубки
Каким образом?

Светлана Щербатюк:
Это вам виднее.

В первых числах января 1974 года я встретила со следователем. Он хотел, чтобы я села и что-то написала. Я сказала: «Давайте так –

задавайте вопросы, я буду отвечать, а вы записывайте». Через некоторое время этот человек позвонил.

Голос из телефонной трубки:

Дело передано другому следователю, по особо важным делам, и в другое ведомство, в прокуратуру.

Светлана Щербатюк:

Так началось моё знакомство со следователем Макашовым.

Режиссер (в реальности это был Рубен Геворкянц, – прим. автора):

Алло, здравствуйте, мне пожалуйста, господина Макашова, я режиссер из Армении, снимаю фильм о Параджанове.

Голос из телефонной трубки

Моя фамилия Макашов, зовут меня Евгений Васильевич.

Режиссер (в реальности это был Рубен Геворкянц, – прим.автора):

Евгений Васильевич, у меня к вам такой вопрос: какое непосредственное отношение вы имели к делу Параджанова?

Голос из телефонной трубки:

Я расследовал его дело как следователь по особо важным делам. Поскольку вокруг этого дела было много разговоров, речь шла об известном режиссере, то по указу главного прокурора Украины дело было передано мне как следователю по особо важным делам для объективного и полного расследования. И я так старался. Отношения в ходе следствия были нормальные, никаких жалоб на качество следствия он не заявлял.

Режиссер (в реальности это был Рубен Геворкянц, – прим.автора):

Хорошо и какое у вас мнение о нем, как о человеке?

Голос из телефонной трубки:

Он разноплановый человек, во многом удивительный, много у него отрицательных качеств. С моей точки зрения, он, во-первых, эгоцентрист. Он считает, что он пуп земли и равен ему только Феллини. Он был очень добрый и получал большое удовольствие от того, что раздавал подарки. Ну, и есть у него отклонения от нормы по части мужеложества, которое у нас в стране наказывается. Это не было сведением каких-то счетов с ним.

Режиссер (в реальности это был Рубен Геворкянц, – прим.автора):

Все что вы сказали, мы можем снять на пленку в любое удобное для вас время?

Голос из телефонной трубки:

Вы понимаете, мне не хочется встречаться с людьми по этому поводу. А вообще, больше того, что я вам рассказал, мне нечего сказать... А как вы нашли мой телефон?

Режиссер (в реальности это был Рубен Геворкянц, – прим.автора):

Мне дали его в Ереване.

Голос из телефонной трубки:

Это хорошо...

Режиссер (в реальности это был Рубен Геворкянц, – прим.автора):

Господин Макашов, а вас совесть не мучает?

Голос из телефонной трубки:

Вы понимаете, это не телефонный разговор...

...короткие гудки...

Влади М.В.:

Они так дружили, Сережа с Володей, и так понимали друг друга... с полуслова...

Я помню, как Володя плакал, узнав, что Сережу арестовали и заставляли признаться в преступлениях, которых он не совершал. Володя буквально заболел. Он проплакал весь день. Потом послал Сереже в лагерь письма и фотографию, на которой он вместе с Параджановым. Зеки очень ценили Высоцкого за то, что он много писал песен о них и о «зоне». Надеюсь, это фото помогло Сереже выжить...

Сергей Параджанов:

Светлана!

Пишу с опозданием. Обычно жду первых чисел. Сегодня 6-е декабря. Скоро год, т.е. 17-го. Самый страшный год – самый необходимый для того, чтобы осмыслить все, понять и осудить. Я не говорю о своей вине. Она скорее всего клиническая, чем уголовная. Но самое главное, что реакция была настолько энергичная и патологическая, что и исход ее был необходим.

Светлана!

Никого ни о чем не проси. Никуда не обращайся. Никого не беспокой! Ни Герасимова, ни кого бы то ни было. Веет теплый муссон! Боюсь, обольщаться или надеяться, но что-то типа Гольфстрим. Ничего не уточняю – нужно терпение, хотя бы на 3-60 дней! Прошу – никому не говорить. Сожалею, что справили не у меня в квартире. А что если ее нет? Так мне показалось...

Суренчику на день рождения был послан пакет с коллажами и кукла «Лиля Брик». В письме ты ничего не сообщила. Жалко, если не доставили к дате.

Тебе, Светлана, кажется, что я купец и старьевщик (ветошник). Да, это так. Я выражал и выражаю свое отношение к людям через вещи. Это, вероятно, еще один порок.

Работаю на новом месте – сейчас я прачка. Был строителем, штопал мешки. Везде я поселений и слабый.

Я «новых» друзей попросил поговорить с Воробьевым. Он чудовище – глупое, продажное и трусливое. Он не понимает, что обречен.

Остаток своей жизни я посвящу его уничтожению (не физическому). Он обязан пережить страх и написать повинную в клевете. И никто не понимает, что его одно признание поможет мне выйти на свободу.

Вероятно, этим занимается Амиран и «новые друзья». Ему я не угрожаю, так как все это знает Макашов, уделивший внимание диадемам, и не сущности обвинения. Первый, кто погорит, – это он и прокурор.

Что с мамой моей? Получаю много писем от незнакомых мне людей. Очень тронут вниманием, но это похоже на опасную игру.. Которая вызывает – настороженность.

В случае, если коллажи дошли до тебя, будь с ними бережна. Их надо хранить в чистоте. Несмотря на то, что часть не дошла – их перехватили «поклонники».

Жива ли моя мать?!

Я просил Мишу Беликова и Вадима послать мне фонограмму Высоцкого. Она у Верещкой. Но пока ее нет. Мишу я просил синопар – это мазь.

К сожалению, я задержу одежду – может она мне понадобится.

Деньги можно не высылать – обойдусь, нет необходимости.

Умер Чиаурели!

Умер Гена Шпаликов!

6 декабря 1974 г., Губник

Миша! Дорогой!

Таня, Игорь, Сурен и Рома!

1. Что произошло, что я не имею от вас писем?! В моем положении возникает испуг за вас и за все, с чем я связан и на что надеюсь.
2. Я попросил по необходимости взять у Вадима Верещагина запись «Высоцкого», которую он записал 13 ноября 1973 г. Сделать копию и послать мне срочно в Губник. Это мне необходимо.
3. Просил мазь синопар – два тюбика.

В первых числах декабря из Президиума Верховного Совета СССР позвонили в Учреждение 301/39 и просили приготовить характеристику и мое прошение о помиловании. Прошло с тех пор 17 дней. Вслед звонку должен был поступить письменный запрос – однако его нет. От этих ожиданий я окончательно рухнул и еле плету ноги. Что могло произойти, почему тишина? Извините за тон и истерику. Состояние мое жалкое и безысходное. Вероятно, первое решение о самоубийстве – было самое верное и единственное. Миша, не знаю, где ты, где Рома! Где Сурен и вообще – в суеде суеда, вероятно, канул в бездну, утомил вас и сам устал от ожидания и надежд.

Меня учат выть по-волчьи – закон джунглей. Что сбудется. Уже 17-е, заканчивается год. В случае, если Воробьев написал бы повинную, я мог бы тоже быть на свободе. Но он, вероятно, вам не доступен. В случае, если бы мои друзья-кинематографисты, включая Юру и других, могли бы даже заставить Воробьева написать – это было бы честно, так как у меня в отношении Воробьева совесть чиста. Срочно жду ответа. Не могу скрыть, что гибну. Не хватает всего – даже кислорода.

Жду ответа! Не надо никаких свиданий и посылок. Когда понадобится – напишу.

Сергей. Декабрь 1974. Губник

Президиум Верховного Совета Украинской ССР

Отдел по вопросам помилования

252019 г. Киев 19, ул. Кирова, 5

Ивану Самойловичу Грушецкому

ЦК Украины, Щербицкому

От осужденного Параджанова С.И.

Статьи 122-I и II, и 211. 5 лет лишения свободы. Режим строгий.

Содержится в Учреждении 301-39, Губник

Прошение о помиловании.

17 декабря 1974 г. – год моей строгой изоляции. Предъявленное мне обвинение и осуждение мой глубоко осознано.

Прошу Вас Лично помиловать меня в содеянном.

Обязуюсь лично перед Вами после освобождения не возвращаться в Киев и в искусство.

Физическое и моральное положение мое трагично, как и мое будущее.

[подпись] С. Параджанов

Декабрь 1974., Губник

5 марта 1975г

Совершенно секретно (Фотографіі 289,292)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ

ПАРТИИ УКРАИНЫ

ТОВАРИЩУ ЩЕРБИЦКОМУ В. В.

Лично

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

В КГБ при СМ УССР поступили данные о том, что бывший режиссер киностудии им. Довженко ПАРАДЖАНОВ Сергей Иосифович, 1924 года рождения, уроженец г.Тбилиси, армянин, осужденный 24 апреля 1974 года Киевским областным судом к 5 годам лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 122, 211 УК УССР / мужеложство, изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов/, направил в Президиум

Верховного Совета УССР заявление о помиловании, высказывает намерение обратиться по этому вопросу с письмом к Первому секретарю ЦК КП Украины.

Будучи режиссером и постановщиком фильмов, ПАРАДЖАНОВ приобрел некоторую известность в стране и за рубежом после выхода кинокартины "Тени забытых предков". В последующий период в его творчестве все более

отчетливо проявлялись элементы пессимизма и безыдейности, выразившиеся в погоне за внешне "оригинальными" формами показа материала, положенного в основу кино произведений. Критику в свой адрес воспринимал болезненно, заявлял среди окружения, что ему не дают возможности "раскрыться до конца", подвергают «гонениям». Как лицо, настроенное враждебно по отношению к советской действительности, ПАРАДЖАНОВ оказался в поле зрения органов государственной безопасности еще в 50-х годах. С его стороны фиксировались клеветнические суждения о "зажиме свободы созидания" в нашей стране, о "партзаказах" в искусстве.

На протяжении ряда лет ПАРАДЖАНОВ оказывал отрицательное

воздействие на молодых творческих работников, призывая их «вырыть могилу соцреализму» и «изгнать красных комиссаров из кино». При встрече с кинодеятелями ФРГ в 1967 году утверждал, что в Советском Союзе на культурном поприще якобы осуществляется политика фашизма, которая постоянно довлеет над ним и ему подобными, заявлял о том, что, выехав за границу, он не возвратился бы в СССР.

Спустя три года в адресованном издательству "Советская энциклопедия" письме указал: "Сообщите вашим читателям, что я умер из-за геноцидной политики Советской власти".

В последнее время вокруг ПАРАДЖАНОВА группировались различные враждебные и антиобщественные элементы. Наряду с этим он поддерживал контакты с экстремистски настроенными националистами, в том числе с И.ДЗЮБОЙ, Е.СВЕРСТЮКОМ, И.СВЕТЛИЧНЫМ, Н.ХОЛОДНЫМ и другими, которые использовали премьеру его фильма "Тени забытых предков" для открытых антисоветских проявлений. После привлечения указанных лиц в 1972-1973 годах к уголовной ответственности за антисоветскую националистическую деятельность ПАРАДЖАНОВ вынашивал намерение организовать кампанию "массового протеста", поддерживал материально семью И.ДЗЮБЫ. Враждебные действия ПАРАДЖАНОВА были пресечены в декабре 1973 года органами прокуратуры с использованием наших материалов о его аморальном образе жизни и участии в спекулятивных сделках.

Арест ПАРАДЖАНОВА вызвал различные домыслы и кривотолки о том, что он был взят под стражу якобы за отказ подписать заявление группы советских украинских деятелей искусств в связи с антиобщественной деятельностью САХАРОВА и СОЛЖЕНИЦИНА. В известной степени появлению таких слухов способствовала буржуазная радиопропаганда, объявившая о создании в Италии так называемого "Комитета в защиту ПАРАДЖАНОВА". С целью компрометации зарубежных антисоветских идеологических центров и предупреждения дальнейшего распространения тенденциозных слухов в июне 1974 года через возможности КГБ при СМ СССР к сведению иностранных журналистов, аккредитованных в Москве, была доведена опубликованная в газете "Вечерний Киев" статья "Именем закона", в которой указывалось, что ПАРАДЖАНОВ разрушил семью, стал на путь половой распущенности, превратил свою квартиру в притон разврата. В результате этих мер советская и международная общественность получила возможность по достоинству оценить подлинное лицо ПАРАДЖАНОВА и тех, кто собирался выступать в его защиту. Находясь в местах заключения / ИТУ ИВ-301/39 пос. Губник Винницкой области/, ПАРАДЖАНОВ первоначально высказывал намерение покончить жизнь самоубийством, однако впоследствии подобных настроений с его стороны не отмечалось.

В конце 1974 года получил письмо от киноактрисы Т. МАКАРОВОЙ, в котором она рекомендовала обратиться с просьбой о помощи к ее мужу кинорежиссеру С.ГЕРАСИМОВУ. По добытым в январе 1975 года оперативным данным, ГЕРАСИМОВ вместе с БОНДАРЧУКОМ якобы возбудили перед инстанциями ходатайство о его досрочном освобождении. В беседе с заместителем начальника ИТУ по режиму ПАРАДЖАНОВ утверждал, что отбывает наказание за то, что его кинокартина "Тени забытых предков" взята на вооружение закордонными и местными националистами, а органы власти посчитали, что он "является их

идеологом". Высказал опасение, что если последует совету МАКАРОВОЙ, то это будет "немедленно использовано в прессе как доказательство признания им вины". В случае положительного решения вопроса о его помиловании он "навсегда уедет в Армению".

Докладываем в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УКРАИНСКОЙ ССР

В. ФЕДОРЧУК

Сергей Параджанов:

20 сентября 1989 г. ...президиум освободил Щербицкого... ЩЕРБИЦКОГО!
Ну что его доёбом поносить, блядуга. Так замучил меня в тюрьмах. Значит Щербицкого возъебли, ну еб твою! Ну, не все время ему меня ебать. Вот и его выебли...

Режиссер (в реальности это был Юрий Ильенко, - прим. автора):

Ушел на пенсию, заслуженный пенсионер. Сейчас квартиру освободит...

Сергей Параджанов:

...красивый натюрморт, фреску пожалуйста запечатали, потолок, видишь бутылки и черная ворона - судьба моя. Щербицкий... Откуда у меня могло быть прогнившее легкое? Приехал какой-то человек из Ворошиловграда и взял у меня руку - он мне пожал руку, комиссия какая-то, начальство, и это вызвало недовольство у воров. Они подумали, что я подставная утка, которая что-то пишет о жизни зеков, и решили мне отомстить. Я был на территории, и ее залили водой, цех - 60 сантиметров была глубина воды и примерно 300-400 квадратных метров цех. Я должен был ведрами за ночь вычерпать всю эту воду, чтобы не сорвать рабочий день. Я начал вытаскивать эту воду и выливать у дверей, холод, мороз, я в воде, голые ноги, мокрые сапоги. Вода замерзает, потом ее надо было ломом ломать, выкидывать лед.

Человек:

Такого тумана над донецкой степью вожак лебединого клина не помнил. Последние отблески закатного неба гасли, и не было ни земли, ни звезд, ни каких-либо звуков, кроме тревожных, трубных кликов стаи.

Клин рассыпался...

И тогда далеко внизу смутно обозначилось пятно света - крошечное, как светлое лесное озеро, отразившее последний отблеск небес. Лебеди, окончательно сломав строй, разворачивались на спасительное озеро...

Озеро разрасталось, сияло среди слепящей мглы тумана. Из бесформенного, сияющего в тумане пятна оно приобретало очертания прямоугольника, как ожерельем охваченное цепочкой сияющих огней... Усталая, измученная стая лебедей ликующе трубила спасение. Лебеди заходили на посадку, рассыпавшись поодиночке...

Барак в зоне строгого режима просыпался и слушал серебряный трубный глас с ночных небес...

На вышках врубили прожектора, туман от этого не стал прозрачней,

только налился молочной белизной... в донецкой степи, в тумане был высвечен квадратный километр... жилой зоны лагеря строгого режима... Лебеди с криками, всполошенно кружили над горящим квадратом, пытаюсь увидеть холодный блеск воды...

И вот уже первая птица, просияв белоснежной грудью, прошла на бреющем полете над самой землей...

С вышек открыли огонь.

Выстрелы разорвали тишину тогда, когда птицы уже не кричали, – они шли на посадку вслед за своим вожаком, выбросив вперед розовые перепончатые лапы.

Когда заглохли в тумане, умерли последние отзвуки выстрелов, в ватной тягучей тишине все две тысячи привидений услышали зов вожака, гортанный, отчаянно-резкий.

Стая одновременно грянула сотнею крыл и, тяжело набирая высоту и скорость, стала уходить ввысь за своим вожаком.

С вышек снова полоснули в воздух короткие предупредительные очереди.

И тогда в тишине все – и зэки, и часовые на вышках, и контролеры – услышали, как возник в поднебесье и нарастал, приближаясь, еле уловимый свист падающего тела. Свист оборвался глухим ударом, почти поглощенным туманом, где-то совсем рядом, за колючей проволокой, за оградой, **на свободе**.

Генрих Габай:

Осенью 1945 г., первой мирной осенью после тяжелой войны, кинорежиссер Игорь Савченко набирал студентов в свою мастерскую во ВГИКе. За стенами старого московского Зарядья шли съемки фильма-водевиля «Приданое с вензелями». В перерыве прямо среди составленных в пирамиды ружей, гусарских седл и барабанов заседала приемная комиссия, Игорь Савченко беседовал с кандидатами в Эйзенштейны. Среди московских пиджачков и гимнастеров вдруг мелькнула серая папаха и тонкие кавказские сапоги в галошах. Сверху были огромные черные глаза, бархатные усики и улыбка. Это был Параджанов.

Дважды, в 1947 и 1949 годах, Савченко брал нас, студентов, работать на своих фильмах. На «Тарасе «Шевченко» в эпизоде «Ночь под Ивана Купалу» Сергей предложил на первом плане развесить огненноглазые морды, сделанные из пустых тыкв.

Сергей Параджанов:

А что, если мы возьмет тыквы, опорожним их, сделаем глаза, нос, рот и зажжем в них свечи, ночью будем снимать?

Генрих Габай:

Как ни странно, Савченко согласился, но тыкв не было, потому что был не сезон. Тогда Серёжа сказал:

Сергей Параджанов:

Я полечу в Тбилиси и привезу.

Генрих Габай:

Ему моментально выписали командировку, и Серёжа отбыл. Ждем мы его

неделю, две, Серёжи нет, и вестей нет. У нас главным художником на картине, ещё будучи студентом, был Леван Шенгелия, ему из Тбилиси родственники сообщили по телефону, что Параджанов вместе с ГОКСом – грузинским обществом связей с границей, арестован. Это был его первый арест, в 1948 году в Тбилиси. Они слушали вместе «вражеские голоса», главарем у них там был майор Микава, а этот дурачок с ними подружился, размалевал им там витражи красками, в ГОКСе, я, кстати, видел это всё, и тех сцапали, ну и этого дурачка взяли. Это было групповое дело тбилисской молодежи, в основном мальчиков из приличных семей, впечатлений Параджанов оттуда вынес массу...

Сергей Параджанов:

На первую передачу мама мне принесла жареного гуся, а я ей говорю: не могла придумать что-нибудь изящнее! Вот у Резо мать – все знают, какие у нее красивые руки – передает ему на чади (кукурузная лепешка) отпечаток своей ладони. А ты – гуся! Мама обиделась и сказала: у меня нет таких аристократических пальцев. Не могла же я сесть на лепешку!

Генрих Габай:

Что делает Савченко? Он очень дружил с Александром Корнейчуком, с Вандой Василевской, с Натаном Рыбаком и так далее, с элитой Украины, а Корнейчук был председателем Верховного Совета Украины. И тогда Игорь Андреевич уговаривает Корнейчука и Ванду Львовну, Натана Рыбака и Аркадия Первенцева лететь спасать Серёжу в Тбилиси. Причём кто такой Серёжа? Студент, такой же, как и все мы. Я хочу сказать, как Савченко любил нас всех. Мы полетели в Тбилиси обставлено это было все как официальный визит, но по факту летели вытаскивать Параджанова. На следующий день Корнейчук начал узнавать, сказали, что дело очень плохо, что они все сядут на большие сроки, они предатели родины, слушали вражеские голоса и так далее. Игорь Андреевич был очень удручён, потому, что он любил Серёжу. Корнейчуку сказали, что необходимо решать через Москву, тогда он летит в Москву, и оттуда он звонит Игорю Андреевичу в гостиницу и говорит: «Езжайте в Киев, Серёжа там».

8 октября 1948 года в закрытом судебном заседании Военным трибуналом Войск МВД ГССР майор Микава был приговорен к 8 годам заключения, Параджанов и другие (всего 7 человек) – к 5 годам каждый. Параджанову, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 7 июля 1945 года об амнистии, срок сразу был сокращен в половину. По кассационной жалобе в ноябре Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела этот приговор и в итоге от отбытия наказания будущий режиссер (он в это время был студентом ВГИКа) был освобожден. В начале декабря 1948-го Параджанов был освобожден из тбилисской тюрьмы.

Газета СЕГОДНЯ / Последние новости Украины

Вся правда о судимостях Сергея Параджанова
Корчинский Александр
29 января 2008

Сергей Параджанов:

Я долго мучился одним своим грехом и не нашел лучше места, как исповедоваться в аэропорту. Моим исповедником стал Никита Михалков (мы вместе возвращались из кинофестиваля, была пересадка). Я думал, что это браслет Тутанхамона или Нефертити.

На металлической чугунной дуге был прикреплен серебряный зуб, два золотых пятьдесят восьмой пробы и один червонный. Остальные были из стали. Такой коллаж из всех известных мне металлов по таблице Менделеева.

Оказалось, я украл челюсть Лили Брик, челюсть меня потрясла! Я быстренько содрал эти три золотых зуба, наверное, Лиля Брик сама их автогеном приваривала, сделал кольцо и хотел подарить его Васе Катаняну. Сказать ему: «Вася, вот тебе это обручальное кольцо. Я сделал его из браслета, который украл у вас». Вася мне бы тогда сказал: «Какой же ты преступник!» Но кольцо понравилось Ноне Степанян, и она его у меня купила. В нем оказалось 17 грамм золота. Мучаясь угрызениями совести, я пришел к ней и попросил: «Пожалуйста, верните кольцо! Меня поймали... Меня уличили... Я хочу Катаняну вернуть... Припать обратно к челюсти обручальное кольцо». Но кольцо мне не вернули. Так на мне и остался грех.

А.А.: Сергей летел в Москву, он ночевал в доме Василия Катаняна, когда он вернулся в Тбилиси, мне звонит Катанян, и говорит: «Это очень деликатный вопрос. Я бы не хотел чтобы ты, обиделся, но когда Сережа жил у нас, приходило домой много людей, а потом пропало несколько вещей». Мне стало так плохо, знаешь, человек звонит, говорит: из дома пропали вещи, а в доме был Параджанов с друзьями, и один из этих друзей я. Я говорю: «Извините, Василий Васильевич, я ничего не знаю». Проходит какое-то время опять звонит Катанян и говорит, что все разъяснилось. Звонили из Тбилиси, и сказали что Параджанов продает автолитографии Фернана Леже и утверждает, что Катанян ему их подарил. Катанян лезет в шкаф и обнаруживает, что пропали эти работы Леже, пропала золотая челюсть Лили Брик и большая ее же золотая цепь. Челюсть Параджанов отдал другу Зауру и сказал:

Сергей Параджанов:

Сделай мне два кольца разного размера, внутри одного напишешь Л.Ю.Б., Лиля Юрьевна Брик, а на втором В.В.М.

А.А.:

Заур сделал. Параджанов всем рассказывал, что это кольца Брик и Маяковского и пытался продать одно кольцо Ноне Степанян, на что Нона ему сказала, что она не поверит, будто бы у Лили Брик были такие толстые пальцы...

1987 год. Выставка Ив Сен Лорана в Ленинграде. Мы приехали и поселились в гостинице «Европейской», в той же, в которой жил Ив Сен Лоран. Довольно странно все это выглядело, потому что Лоран прятался в номере, он выходил только на официальные мероприятия, общение всегда было в присутствии огромной команды, Лоран был

такой полумертвый, похоже, тогда он уже был болен. Он был в парике, потому что не выносил свою лысину, и это выглядело, хотя парик был прекрасный, – жалко. Одет он был очень дорого, человек в больших черепаховых очках и в рыжевато-песочном костюме с галстуком... вообще модельер с галстуком... Вызывал странные ассоциации – если бы убрать его в голову, он был похож на чиновника, хотя костюм не черный или не темно-синий, как носили чиновники. Пьер Берже выглядел еще более странно – он был подчеркнута в жилетке, в пиджаке. Очень красивый, но я бы не назвал это каким-то стилем. Параджанов рядом с ними казался дизайнером больше, чем они все вместе взятые, потому что он был прекрасен в своем халате, вот в этом ожерелье, он был такой артистичный, такой красивый... Но при этом меня все равно преследовала мысль, что мы выглядим очень жалко в своей бедности, потому что при том, что на Сереже был этот прекрасный халат, который ему сшили и еще парочка таких специфических вещей, но туфли, стоптанные, старые, не чиненные туфли, выдавали. И эти люди, шикарно одетые в кашемировые костюмы и очень дорогую обувь, хотя и выглядели чиновниками, но у них была порода. Я злился за Параджанова, мне с одной стороны было стыдно, что он в таких туфлях, а с другой я понимал, что он намного выше их всех, просто намного. Сережа еще нарисовал альбом потрясающих рисунков и коллажей, и подарил его Ив Сен Лорану, а я злился еще больше, потому что Сережа очень нуждался, он на последние деньги купил билет, заказал гостиницу, и я злился, что эти люди не понимают, что ему просто надо материально помочь, а для них подарить Параджанову 1000 долларов ничего не стоило.

Мне было 29 лет, когда я с ним познакомился с Параджановым, совсем не мальчик, за спиной у меня была тяжелая, серьезная жизнь. Я пришел с огромным грузом опыта к Сергею, я знал, что говорить, я знал, что нельзя говорить, а с другой стороны это объясняет, почему я после того, как Сережу арестовали в третий раз тогда в Тбилиси, все бросил и уехал в Армению, потому что Параджанов был мир не то что неведомый, а мир, о котором я во всяком случае не имел представления. Он сам, Параджанов, был миром, о котором я даже не знал, что такое может существовать, не то, что существует.

Обнаженный, яростный человек, полностью, на сто процентов, отдавший себя творчеству, человек, который сделал мне судьбу.

Параджанова не надо пытаться понять – его надо почувствовать.

Режиссер (в реальности это был А.Сырах, – прим. автора):

Может все-таки взять камеру?

Сергей Параджанов:

Нет, нет. У меня с утра кровь горлом пошла. У меня сейчас такое положение, я на пенсии вообще, мне насрать на весь советский кинематограф, на «кончаловых». Без меня прожили, довели до нуля студию. Они передались там все, кто будет первый. Первый там Довженко, вот когда они это поймут, они заткнутся. Довженко там первый, а второй я или мой педагог Савченко, а я третий. А все пускай заткнутся и сидят. Молча. Ну это дело не в том, Украина... Кто у вас там сейчас? Шептицкий, Щербинский? Вот он просит, чтобы

уничтожили человека... Ведь все было решено. У меня документы на руках, что бы приказ вводить мне гипс, для того, чтобы у меня был тромб. Так просто да? Так просто было мне, армянину, сделать фильм «Тени забытых предков». Дамочки в ЦК, эти жинки, говорили: «Це виподково (укр.случайно, - прим. автора), тому ще Парижанов, - Парижанов! - вин горец», - что я сделал фильм только потому что я в горах родился. Це випадково... Вы же не просто фильм снимаете. Вам надо удовлетворить ЦК, в первую очередь, ТК, райком, обком, облисполком, если вы снимаете чисто национальный фильм, то в 38 году вас бы расстреляли. Будет же 2038 год, что думаете, это не повториться? Что «Покаяние» Абуладзе - это только прошлое? Это будущее власти. Трагедия за трагедией, что изменилось? Стало страшнее, потому что не надо было людям набивать мозоль испуга перед государством. Куда я денусь, когда вижу мента, который заходит ко мне домой? Что он хочет? Зачем? Государству я нужен в гробу, когда я буду в гробу - я обрету драгоценность.

Режиссер (в реальности это был А.Сырах, - прим. автора):
Значит, эта дорога не приведет к храму?

Сергей Параджанов:

Нет, храм еще разрушен.

Снимите без единого слова, без диалога:

«Жил-был художник, трагичный и одинокий».

Григорий Чухрай:

Первый или второй курс ВГИКа, конец сороковых, Москва. Голод, нищета, студенческое общежитие на Будаевой. Прибегает Параджанов и говорит, что нашел устриц. Представьте себе, это 1946 или 1947 год, никто этих устриц не видел в глаза, о них только читали, никто не знает как они выглядят, никто уж точно не знает какой у них вкус, и откуда - все голодные студенты. Мы ему говорим: - Тащи, а он: - Не-не-не, устрицы так есть нельзя. И выдумывает, как надо есть устрицы - обязательно в определенном интерьере, что скатерть должна быть с брюссельскими кружевами, обязательно лиможский фарфор и токайское вино, никакое другое. Мы нашли дореволюционную старушку, у которой дома было все это аристократическое имущество, накрыли замечательный стол. Параджанов говорит нам садиться за стол, мы сели, и он выносит большое блюдо, на котором лежали огромные мидии. Мы стали раскрывать их ножом, есть содержимое и пытались долго понять, что это такое, на что похож этот вкус, мы пили токайское вино из хрусталя, ели на лиможском фарфоре и скатерти с бельгийскими кружевами... В какой-то момент я захотел в туалет и пошел искать его в этой длинной квартире. Неожиданно набредаю на маленький чуланчик, в котором сидит мальчик-подросток, закладывает в мидии желе из-под соленых грибов, обмазывает края ракушек канцелярским клеем и кладет на фарфоровое блюдо. Я страшно рассердился, взял этого мальчика за ухо, притащил в комнату, и начал орать на

Параджанова: «Ах ты собака, негодяй, ты нас надул, никакие это не устрицы, то-то я думаю, что за привкус – это вкус конторского клея!» Я хотел его побить, как вдруг он закричал:

Сергей Параджанов:

Гриша! Ты всё разрушил! Вы сорок минут чувствовали себя английскими принцами! А ты всем рассказал, что мы такое же говно, каким были эти сорок минут тому назад!

Григорий Чухрай:

И я его простил. И я его понял.

Всем
пожмики!
А что если еще
БОГ.

КОНЕЦ